Что побудило Кантемира написать «Речь к императрице Анне Иоанновне»?

Для исследователей, которые смотрели на «Речь» как на посвящение к сатирам, адресованное императрице, ответ на поставленный вопрос не представлял затруднений и вытекал со всей определенностью из принятой ими интерпретации произведения. Исследователям, трактовавшим «Речь» как обычную хвалебную оду, над указанным вопросом пришлось задуматься. Насколько можно заключить из цитированного выше, Стоюнин полагал, что к созданию «Речи» Кантемира побуждали главным образом морально-политические соображения: поэт считал «непростительным» не написать похвальной оды императрице, поскольку «в ней он видел торжество своей партии, уже воспользовался ее милостью и мог в будущем рассчитывать на другие милости».

Однако анализ конкретных исторических обстоятельств заставляет усомниться в правильности этих утверждений. В частности, мало согласуется с ним датировка «Речи» 2 июня 1731 года. Около полутора лет отделяет момент создания «Речи» от политических событий, связанных с воцарением Анны Иоанновны, и если допустить, что «Речь» явилась одним из откликов на победу той политической группировки, к которой примыкал Кантемир, то следует признать, что этот отклик был слишком запоздалым. К тому же в политических условиях середины 1731 года, когда надежды дворянства на «полегчание» после олигархической диктатуры Верховного тайного совета развеялись и наступила жестокая пора самодурства Бирона и немецкого засилья, вспоминать о победе своей «партии» Кантемир мог лишь с чувством горечи и разочарования.

Вряд ли в этих обстоятельствах у Кантемира могла возникнуть мысль создать произведение, восхваляющее Анну Иоанновну как олицетворение тех политических идеалов, во имя которых он боролся с «верховниками».

Предположения, что поводом к созданию «Речи» явилось желание Кантемира выразить личную благодарность за содеянные ему Анной Иоанновной милости, также оказываются мало убедительными. Известно, что в то время, как остальные лица, содействовавшие установлению неограниченной власти императрицы, были щедро ею награждены, Кантемир (как и Татищев) остался по существу обойденным. Гуаско объясняет это скромностью Кантемира, отклонившего предложение Анны Иоанновны самому назначить себе награду.[20] Однако у нас есть неоспоримое

[20] Satyres de monsieur le prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en François. A. Londres. Chez Jean Nourse. 1749, p. 53.